

СЕМЕНОВ
Николай Андреевич

Интервью №3
СПб, 1994 г.

запись на диктофон
Крук Н.С. /Н.К./

Н.К. - Продолжим нашу беседу. Вы приехали в Марфино.

Н.А. - Чем мы занялись? В скором времени, там был начальник, капитан, конечно, ихний, который явно был не в курсе дела. Поэтому он мне поручил принимать то оборудование, которое будут привозить. Оказалось, что там недалеко ветка железной дороги, туда пригнали товарный состав, разгружали заключенные, которые грузили и привозили сюда, в Марфино.

Н.К. - Что привозили?

Н.А. - Привозили то, что пришло в вагонах, а привозили полностью разобранный какой-то институт или лабораторию института.

Н.К. - Из Германии?

Н.А. - Да, из Германии. Фирма, которая занималась подобными делами. Среди того добра, которое привезли, находилось очень много инструмента прекрасного: станки, развитый был институт, много было "Кульманов", знаете? "Кульманы" были, пишущие машинки широкие были, и с русским и немецким алфавитом. Подчеркиваю, что был и русский алфавит. Тогда счетных машин не было, были такие крутилки, тогда еще не было электронных никаких. Привозили очень много, и мне поручили принимать это дело и записывать, что это такое, и рассортировать. Т.е. были отдельно приборы разобранные, отдельные части, был инструмент всякий монтажный и слесарный, очень хороший инструмент, и несколько станков токарных, т.е. мастерская была при лаборатории, вот я ее сделал для себя, я там пользовался этим по ремонту этих приборов. Потом там? делал из любви к искусству, я любитель помастерить. Потом очень много материалов было, скажем,лаз/??/, цветной п.....глаз, были?, всякий чистый материал, листы, с которыми можно что-то делать. Я могу показать, у меня гребешок есть, который сделан из этого материала, которым я до сих пор причесываюсь. У меня несколько есть портсигаров, один я отправил Солженицыну, когда он мне приспал ухо/?/ оттуда, мне сделали, так я ему обратно послал в этом самом портсигаре, на память ему приспал с розой, хорошо сделанный...

Н.К. - Сделанный там?

Н.А. - Да, я сам делал его, вот и часы я там делал, у меня были возможности большие. Если мне надо было что-то для дела, то мои заказы шли, там же мастерские были хорошие, целый заводик, то мне выполняли. Причем, там очень хороший принцип был взят - если какая-нибудь идея у вас и вы делали макет или что, и вам как следует, т.е. по всем правилам, если оцинкованный, хромированный, посеребренный, сделают по всем правилам. Идея правильная была - если вы плохо сделаете, вы можете загубить идею плохими материалами. Вы некачественно сделаете, можете загубить идею. Поэтому делали очень качественно, если я какую-то деталь заказал сделать, то ее делали по всем правилам искусства. Она потом не нужна была, ее уничтожали, составляли акт, но делали, как следует.

Целый склад получился, там много помещений было пустых, сделаны стеллажи и складывали материалы, очень много было деталей радиотехнических, потенциометры, сопротивления разные, детали просто россыпью, целые ящики. Потом мы их использовали для изготовления того, что нужно было. Всем этим делом мы занимались довольно долго, тем временем в подвале организовали аккумуляторную,

были хорошие аккумуляторы, стационарные, в стеклянных банках были на 250 вольт, одна батарея была на 6 вольт и было 27 вольт, это 3 напряжения постоянного тока, которые нужны бывают в аппаратуре. Потом на этажах постепенно... Там у них чертежи были и расставлено, где какие лаборатории будут. Тут я участвовал в том, что я дал эскизы, какие сделать стеллажи. Короче говоря, пока мы все оборудование перетащили, погрузили, переписали, расставили, уже было по чертежам указано, где какие лаборатории. Начали монтировать там, приехало еще народа сколько-то, жили мы пока в этом самом здании, где мы находились, а рядом с нами был женский лагерь, они нам полы мыли, убирали, чисто было, хорошо. А потом их куда-то перевели и в дальнейшем там оказались юрты так называемые: круглые, как нефтяные баки, круглые деревянные постройки, где по радиусам стояли деревянные двухэтажные кровати хорошие, как офицерские, на курсах я когда был, двойные. И там я жил, причем, какая компания была: надо мной спал Солженицын, а я внизу; рядом с Солженицыным, как ни странно, его соучастник преступления, их судили по одному делу, это тот, Кока/??/ его звали, забыл, как фамилия, я его тоже знал. Я всегда шумел: "Что вы, спите, не болтайте!" Они разговаривали наверху, а я под низом. А возле меня, по-моему, Мартынов был,? если помните, есть такой. Чем был замечателен? Тем, что он получил 10 лет за то, что подписал согласие работать на немцев, а я сидел с ним рядом, получил 10 лет за то, что отказался подписывать. Так что видите, цена одна была, т.е. тогда были все по одному принципу, что нужно было посадить. А обоснования были по статье 16, это же измена родине, можно было расстрелять, а можно было дать 10 лет, потому что знали цену этой измене.

Я очень много занимался, приводил в порядок хозяйство приборное, очень много было приборов, которые я не знал, и которые я знал. Я должен был разобраться, там были инструкции, документы всякие, мне пришлось много самому заниматься, разбираться, что это такое. Много было незнакомого мне, это же была лаборатория проволочной связи и радиодетали там были и радиоэлементы. Поэтому оно все было рассыпано, допустим, осциллограф девятишлейфовый, сименсовский, последней модели как раз на Днепрострое у меня был, один из первых экземпляров, которые сделала фирма Сименс, на которой меня и проверили по документам мои заказы на Днепрострое. Все было рассыпью, все было в куче, я их расставил сперва, потом разбирался что к чему, главное, много незнакомых мне приборов было, поэтому я старался разобраться в инструкциях, немцы же аккуратные, у них документов много было, а так как там был известный вам Лев Копелев, он грамотный был, он мне часть переводил по знакомству, мы же с ним вместе были в лагере в Загорске, с Львом Зиновьевичем. Много прибывало народа, вот, скажем, Надеждин был, типичный инженер по проволочной связи, как раз то, что нужно было. Я был с ним знаком и после того, как выпустили, он в Москву вернулся и умер потом от сердечного приступа. Какие еще знакомые были? Был Афанасьев, молодой довольно техник, это со мной работали. Был племянник Мелик-Пашаева, он назывался "Обрамленный", густой такой. И был Мирзабеков, он назывался "Необрамленный", он был лысый и бритый. Они все вместе со мной работали. Потом попозже появился Тарановский, Сисан??? мы его называли, потому что он долго жил в Китае, он был сын какого-то нашего советского работника, то ли в торговом представстве, почему-то он там и остался, там кончил институт и работал где-то. Причем он рассказывал мне, что у него была машина, а он не знал, как она устроена, потому что обслуживание ему делали все.

Н.К. - Мы удалились от шарашки.

Н.А. - Да, этот Тарановский оказался очень сильным радиостом, вот он делал ламповый вольтметр, мне поручили сделать часы с логарифмической шкалой, это сложно было технически сделать, и вот когда он долго мучился, когда не получалось электронным способом,

то мне пришло в голову (веревка - вервие простое): не проще ли изменить конструкцию механическую прибора? Мне сделали расчеты механики, там же группа была расчетчиков-математиков, мне дали расчет, какой формы должны быть полюса прибора, потом по ним сделали среднее выпрямленное, Тарановский много возился, не получалось у него, много было надо ламп. Когда прибор сделан был, я говорю: "Попробуйте". Потом мне говорят: "Послушайте, что вы сделали?" Получается и без этих многих ламп, просто я сделал ламповый вольтметр, хороший ламповый вольтметр. Он говорит: "Что Вы сделали?" Я говорю: "Очень просто, то, что вам самому надо было догадаться. Просто отполировали в нужной форме наконечники, он стал не линейным, а логарифмическим прибором." Механически его переделили, не электрическим путем, обыкновенный ламповый вольтметр с этим прибором удовлетворил, при чем за это нам дали большую премию, тыщу рублей почти, по тем масштабам это было много, причем наличными деньгами. И тут интересно, как тюрьма вышла из положения.

Н.К. - Мы записали, записали.

Н.А. - Он при мне работал, и Афанасьев, были очень подходящими работниками, остальные кто-куда пошел, в какие группы. Мне же их давали сперва попробовать, что они умеют делать. Потом уже, когда их переводили в группы, там они уже засекречивались, а сперва они как бы проходили практику монтажа и всего прочего. Поэтому что измерительная лаборатория особенно секретных дел не dealala, только по поручению. Как мы жили? Жили в два этажа, надо мной спал Солженицын, а со мной, по-моему, Мартынов спал рядом.

Н.К. - Мы уже это проходили. Николай Андреевич, а Вы организационно расскажите, как шарашка была организована, какие там были лаборатории, сколько в лабораториях было человек? Кого Вы помните?

Н.А. - Была организована лаборатория, акустическая называлась, в ней командовал Копелев.

Н.К. - Акустической - Копелев?

Н.А. - Да, да, да. Потому что он хорошо знал некоторые языки, очень был эрудирован, знаком с построением речи, ударение, то есть он хорошо был знаком с составляющим речи. Это была основа, они пытались сделать: первое было - прослушивать первые образцы секретной передачи. Комната акустическая была на подвесках такая, заэкранированная, там как в могиле было внутри. Там они проверяли речь.

Н.К. - Это мы записали на самой первой пленке.

Н.А. - Командовал этим...

Н.К. - Командовал? Он был зав.лаборатории?

Н.А. - Там был, конечно, и ихний командир - начальник лаборатории, но в основном всеми этими штуками Копелев.

Н.К. - А Солженицын был в его подчинении?

Н.А. - Да, и участвовал. Значит, они как делали? Составляли какую-то речь, бессмысленную передачу.

Н.К. - Это я помню. Скажите, а Солженицын что делал? Он как математик участвовал или как-то иначе немножко?

Н.А. - Поскольку он математик был, он мог эти расчеты де-

лать. Но в основном они занимались передачей и прослушиванием этой речи. Остальную технику делали ребята, сейчас не помню кто, там фамилии есть, в книжке Копелева, он был близко с ними. Я мало ими интересовался, там были и техники, которые делали уже аппаратуру засекреченную. Когда они сделали первый образец какой-то, Копелев нам голову морочил, требовал: нужно частоты эти пропускать, а эти не надо. Он изучал речь по составляющим, у него же книга есть по этому поводу, он же оттуда утащил все материалы по построению речи, принципы передачи речи кодированием, а вот как кодировать, он тут ограничился частотами, чисто с акустической точки зрения.

Н.К. - Он значит был сведущ в физике?

Н.А. - В физике, да, в технике не особо. Например, Солженицын очень был любителем и много занимался по словарю Даля, там эти ударения, построения слов, вот это очень ему помогало, он делал картотеку такую и они составляли отдельные, я не помню, термины у них свои были. Копелев очень хорошо написал про это в книжке, так что оттуда можно взять. Командовал, начальником лаборатории был, я не помню фамилии, ихний инженер.

Н.К. - Хорошо, акустическая лаборатория. Дальше измерительная, это Ваша?

Н.А. - Да, измерительная - это я занимался.

Н.К. - Там из заключенных главный Вы были?

Н.А. - Вы же видите, они были в растерянности, потом дали бумагу, кем я был.

Н.К. - Там много было еще кроме Вас народу?

Н.А. - Нет, немного, у меня было только несколько человек, был механик, я забыл фамилию, стариок, который принимал либерти - пароходы в Америке, и потом, приехав домой, их потопили по дороге, вытащили, а дома посадили как американского шпиона. Он у меня работал долго. Потом у меня работал Тарановский.

Н.К. - А он какой инженер?

Н.А. - Он радиост. Он мне помогал, мы делали дециметровое устройство.

Н.К. - Еще кто?

Н.А. - Был Афанасьев, техник, он очень хорошо исполнял, все эти схемы собирал, опытный был техник, квалифицированный, молодой.

Н.К. - Еще были?

Н.А. - Это постоянно. И все. И конечно, командовал у нас, был надзор, была такая Бойдек и звали Валя, она молодая женщина, замужем, и ребенок у нее, кажется, был. Она очень хорошо к нам относилась.

Н.К. - Так она что, тоже чертежник?

Н.А. - Нет, чертил я сам, потому что я очень быстро это делаю.

Н.К. - Она была вольнонаемная?

Н.А. - Да, она была ихняя, засекреченная, она надзор вела за нами. Она грешным делом сама об этом говорила. И начальник у нас был старший техник-лейтенант, который сам мне честно признавался: "Вы не беспокойтесь, я в рапортах вам плохого не пишу". Он каждый месяц или две недели писал рапорт. Он очень почтительный был, очень почитал начальство, когда ко мне приходило начальство, начальник отдела ко мне несколько раз приходил даже, был такой Железов, я его хорошо помнил. Еще когда я учился в Одессе, он учился в рабфаке, он в наших организациях студенческих явно имел надзор за нами всеми, так что он меня отлично узнал тоже, но вида не подал, и я вида не подал, но он же документы мои видел. Он был очень вежлив, любезен, но он был очень жестокий человек, как он топал и кричал: "Я тебе сукина сына..." И так далее и так далее...

Н.К. - На кого?

Н.А. - На кого-то. "Я тебя отправлю на рудники!"

Н.К. - Николай Андреевич, еще были лаборатории?

Н.А. - Это были проходящие.

Н.К. - Что значит проходящие?

Н.А. - Это значит, приезжали какие-то молодые заключенные, которых посылали, я давал задания - простейшие, допустим, собрать какую-то схему.

Н.К. - То есть фактически две лаборатории, и на подмогу еще подбрасывали людей.

Н.А. - Не мне на подмогу, а для того, чтобы их где-то посадить, еще не особенно засекреченными, они же могли не подойти, их могли отправить в лагерь. У нас особых секретов не было, мы только приборами занимались.

Н.К. - А у Копелева тоже примерно такой же состав был по количеству?

Н.А. - Нет, сейчас вспомню, девочка у них была, тоже надзор, худенькая, маленькая, забыл как звали, она упоминается в "Круге первом". Там помните, целовал кого-то, это она. Была у них еще одна, тоже такая же, из молодых, только что кончила.

Н.К. - А из заключенных, кроме Копелева и Солженицына кто-нибудь был?

Н.А. - Были, были, я не помню фамилий.

Н.К. - Сколько примерно?

Н.А. - Да человека четыре или пять. Но они уже постоянные были, кроме того, группа математиков, там человек, наверно, 20 или 16, так, профессор [...неразб.] математик был.

Н.К. - Так они входили в акустическую группу?

Н.А. - Нет, они отдельно были. Просто они на них работали. Вот мне понадобилось сделать расчет кривой какой-то, так они мне сделали, я просто дал задание.

Н.К. - А жили вы-то все вместе?

Н.А. - Да, жили все вместе. Потом нас все больше и больше

становилось. Нас обслуживали заключенные уголовные, они на кухне работали, в столовой. Было три или четыре, я не помню, категории по должности: те, которые нас обслуживали, получали минимум, допустим, четвертая категория, а потом в зависимости от должности. Скажем, я получал, когда мы еще на Звездочке были по второй, а потом, когда я уже начал заниматься, мне дали первую, то есть примерно должности старшего научного сотрудника, это примерно соответствовало майору или подполковнику в других лабораториях, были же вольнонаемные или ихние с погонами которые были. Вот, скажем, был инженер Вольф труб, он был майор, я его хорошо знал, потому что я много ему сделал.

Н.К. - Он был вольнонаемный?

Н.А. - Нет, он был их сотрудник постоянный. Инженер КГБ. Он руководил небольшой группой, которые делали специально оборудование, в основном фильтры разные, они в очень больших количествах требовались. Почему я с ним был знаком близко? У меня сидела одна из девочки и еще кто-то из заключенных и проверяли фильтры, снимали характеристики по точкам, что очень медленно было и затрудняло, я все шипел на них, они занимали у меня генераторы частоты, звуковые, там же частота до 20 кгц, больше не надо, это разговорная речь. Он присыпал заключенных еще, не успевали делать они, поэтому они занимали у меня много аппаратуры. Я вижу, что мороки много, так я сделал, я по-моему упоминал уже, что я разобрался в аппаратуре Сименса и нашел там для проверки дальней связи устройство и сделал весьма несложное устройство для автоматического снимания характеристик фильтров, сплошной линией, не по точкам, а прибор записывал, то есть генератор подавал с какой-то скоростью определенно точно уровня на выходе частоту от 20 гц до 20 кгц. Очень важно было, что постоянное напряжение было на выходе. Это очень непросто было, там 0,775 вольт было на входе, 50 Ом и на выходе через фильтр передавалось и записывалось пишущим прибором, беспрерывно. То есть вместо того, чтобы сидеть час, возиться с этим фильтром, вы получали через 10-12 минут характеристику, причем написанную машиной беспрерывно. Все малейшие отклонения заметны, по точкам вы могли пропустить.

Н.К. - По-моему, мы уже обсуждали эту проблему на первой части.

Н.А. - Это значительно упростило, Вольф труб был в большом довольстве, жал руку и благодарили, что я освободил его от массы времени. Он что-то еще делал, но фильтры - это он делал. Была группа конструкторов, в которой Панин был. Как раз я помню, он говорил, когда потребовалось Антону, нашему главному инженеру, он бывший заключенный, он очень любезен был, потому что не очень силен был в этой аппаратуре, он попросил меня: нельзя ли сделать то-то и то-то, по тем данным, которым ему нужно было, я знал, что у меня готовый осциллограф, в разобранном виде. Я ему сказал: "Пожалуйста". "Ну как скоро вы сможете?" - Я говорю: "Завтра приходите после обеда". - "Ну да!" - я говорю: "Приходите." С утра собрали осциллограф, когда он пришел - пожалуйста. Они на нем макет сделали, попробовали то, что потом называлось звуковидами, и тогда уже конструкторам поручили сделать примерно, там не нужны были большие скорости, там фотолента шла с малой скоростью и записывать как можно больше точек, но у меня только 9 точек было, достаточно, чтоб попробовать, а потом конструкторам дали задание, и потом они сделали примерно по принципу аппарата, которым снимают давление. Потом они разработали на много точек и на малую скорость и уже писали не на фотобумагу, что довольно трудно и медленно, надо проявлять, а писали на новую бумагу, писали каким-то там раствором. Когда они писали, они уже видели. Мне надо было фотографировать лучом, 9 лучей, и проявлять потом, так что вы только завтра могли посмотреть, что вы там намерили. А тут как

кардиограмма, беспрерывно писала. Поставили много перьев, когда записывали речь, то получался как муар. В нашей речи очень много составляющих частот, по ним можно как по отпечатку пальцев установить идентичность.

Н.К. - И Вы что, все 10 лет занимались этой проблемой? Проблема все эти 10 лет так и решалась?

Н.А. - Да, причем было две основные группы, эту задачу можно было решать двумя способами. Было два старших заключенных, один был татарин, инженер, его идея была, а один был, я помню. Как их фамилия была?... Их потом освободили досрочно. Они получили одну и ту же задачу, но разными способами техническими: можно, скажем, топором рубить, а можно - вытачивать на токарном станке. Это ничем не кончилось. Образцы сделали, нашу шарашку прикрыли.

Н.К. - Работа была доведена до логического конца?

Н.А. - Она не была полностью закончена, а была только в принципе решены два способа, один лучше был, другой - хуже, можно было сравнивать.

Н.К. - А на основании этих разработок что-нибудь сделано?

Н.А. - Я не знаю, нас разогнали. Но авторов освободили досрочно. У Копелева есть фамилии, он пишет даже, дело было зимой, он тащил свой огромный чемодан с документами.

Никто не знал чем это кончится, но очень беспокоились сами сотрудники, чувствовали, они болтали кое-что, мы же слышали. В общем, чувствовали - надо закрываться.

Н.К. - После смерти Сталина?

Н.А. - Да, появился прокурор, который у нас в жизни не был, спрашивал: Вас не беспокоят, дескать? Вы же видели, какую мне справку дали - ведь там написано, какие я должности занимал! Где это видано, что из тюрьмы выпустили. Там начинается, что старший научный сотрудник - руководитель разработок, это я был, потом старший инженер, т.е. они наоборот написали - я сперва занимал должность инженера, потом старшего инженера, потом научного сотрудника, потом старшего научного сотрудника. Видно, что я повысился в должностях, пропорционально этому и кормление было, потом я уже был в группе, это мы сами так называли - лорды, входили и Копелев, и Солженицын. Получали по первой категории, нас кормили самым лучшим обедом, так как для работы ума требовался фосфор, то у нас на столе всегда была рыба какая-нибудь, селедка. Кухонные дамы, мы не съедали все, так они грузили апельсины бочками, грузили в банки и продавали, тогда же впроголодь жили после войны, так торговали селедками с рук, на чем засыпались, и был скандал. Секретное заведение. Нас кормили хорошо, лучше, чем дома, моя жена гораздо хуже жила. И вот представьте себе, эти строгие офицеры присматривали за нами не меньше, чем старший лейтенант, не замечали, как я белый хлеб передавал домой. Они понимали это все, все-таки люди были, я послал игрушку, пушку такую хорошую сделал, все эти офицеры имели хорошие портсигары, кто ж им делал? Я делал кому-то, но я же не торговал ими, даже Панин где-то говорил про меня, что он не был стукачом, не был вором, очень многим раздавал красивые портсигары и зажигалки. Витя??? потом мне сказал, что потом, когда он вышел, откуда он это взял, что у него дача была, это не у меня была, а у моего брата, я только бывал у него, что у него, т.е. у меня, была Волга, вот такой я плохой был.

Н.К. - А была Волга?

Н.А. - После уже, когда меня освободили и реабилитировали. Я

же хороший был работник, я же зарабатывал [...неразб.] разгово-
ра... Панине я на него очень обижен был тем, что он за глаза гово-
рил, а не со мной. Он меня приводил в пример, видите - старается,
интересные работы делает, а я знаю, что из-за этого мою жену не
трагали, Вы знаете, как это важно было в те времена. Они же без
карточек, без хлеба остались с мальчиком, у нас же племянник ма-
ленький был. Когда мы в Марфино были, начальник, капитан спросил
меня: "Чего Вы хмуритесь?" "Как же, - говорю, - с работы сняли
жену и сидит она с мальчишкой без хлеба." И тут же он рапорт на-
писал, и вскоре письмо от жены пришло - ты знаешь, почему-то при-
шел партсекретарь с какой-то маленькой организации и меня на ра-
боту принял. Секретарь парторганизации! Значит, кому-то команду
дали, чтобы ее не трогали и посадили на какую-то маленькую рабо-
ту, но карточки хлебные дали. И там она тихо себе работала. Вот
это был один из главных стимулов - из-за чего я работал, а главное -
другое, ведь я же свою жизнь работал при старом режиме, не
забудьте, ведь я же кончил Одесский политехнический институт уже
в советское время, значит я воспитывался - Железов же надо мной
надсмотривал, когда я учился. В чем я попался? Когда я поступал в
институт, мне дали Горный институт в Днепропетровске (направле-
ние), я работал на электростанции в городе Александрия.

Н.К. - С Солженицыным вы дружны были?

Н.А. - Мы были дружны очень, потому что мы были знакомы с
Бутырок, в Звездочке были...

Н.К. - В Троице-Сергиевой Лавре.

Н.А. - Дело в том, что в один прекрасный день Солженицын
немного разгулялся, он очень много занимался речью, своими данны-
ми, он изучал язык для своих надобностей и подготовлял картотеку,
то есть мало занимался своим делом и чего-то поспорил с Антоном,
это был главный инженер нашей шарашки...

Н.К. - Но он из КГБ?

Н.А. - Да, с погонаами даже был. Так тот рассердился, он не
любил, чтобы ему перечили и спорили, причем, я не уверен, может
быть, был прав и Антон. Так он взял его и в лагерь отправил, и
все.

Н.К. - Солженицина?

Н.А. - Да, Солженицын тогда попал в Джезказган, я потом
знал, с ним же переписывался и встречался. Он там недолго побыл,
там добывали медную руду, потом у него кончился срок и его на вы-
сылку, у меня фотографии есть, видите, было время... (конец сторо-
ны)

[Вторая сторона кассеты]

Н.К. - Про Солженицина Вы еще расскажете, да?

Н.А. - Да. Я продолжаю. Так мирно проходила жизнь. Некоторых
людей отправляли, по негодности или еще чему, был неприятный
скандал...

Н.К. - с Копелевым?

Н.А. - Это все нас касалось, у него были какие-то поручения,
потом его предупредили, что если он проболтает хоть кому-нибудь,
то через несколько дней его уже не будет на свете, его, болтуна.
Если он проболтает про работу. Так что это мы уже потом узнали.

Но он проболтал Солженицыну, то есть, хочу показать, насколько они близко дружны были, насколько они сильно переплетены были по работе. Там был один подозрительный по стукачеству, он как-то пошутил, толкнул, что Копелев носом ткнулся [неразб.], что Копелев рассвирепел и набил морду ему, оскорбителю. За это дело отправляли в Бутырки, в карцер, а оттуда в лагерь какой-нибудь плохой.

Н.К. - Так Вы говорите, что он проболтался Солженицыну, ну и что из этого получилось?

Н.А. - Он подрался, даже начальник отдела приезжал разбираться, но так как Копелев выполнял ответственнейшее задание, то его перевели в более низкую группу по питанию, наказали тем. Строго его наказали, ругали, но его нельзя было не оставить, ведь какую он работу вел. Надо было из шести записей разговоров людей каких-то известных... Кто-то из них по телефону предупредил профессора, что его на днях посадят. Кто-то из своих выдал, знал несколько человек только. Копелеву надо было выяснить, кто это сказал. Но чтобы никто не знал. Вы всю свою примените аппаратуру и вы определите - кто это сказал, а там проморгали, кто это записывал, он сказал это с городского телефона, записать-то это автоматически записало, слушатели сидели, но они в это время немножко отвлеклись. Хватились, кинулись, номер телефонного аппарата они нашли сразу.

Н.К. - И что дальше? Копелев сказал - кто?

Н.А. - Видимо, да. Во всяком случае с какой-то степенью приближения. Видите, старый способ был простой - всех арестовать, которые могли знать, а тут...

Н.К. - А дальше?

Н.А. - Дальше я уже не знаю, Копелев же данные какие-то дал, он сказал - подходит вот этот.

Н.К. - По-моему, эта ситуация в "Круге первом" и описана. Хорошо, выявили, что он сказал это Солженицыну, дальше?

Н.А. - Это потом он сам написал, мы никто не знали, Солженицыну никому не проболтал, конечно...

Н.К. - Расскажите, пожалуйста, что было дальше, как Вас освободили и ваша судьба после.

Н.А. - Начались явные изменения, назначили нового начальника лагеря.

Н.К. - Это после смерти Сталина?

Н.А. - Да, старого удалили, назначили нового, который завел новые строгости, сразу приказал все телевизоры, которые мы себе сделали, ликвидировать, мы их, конечно, не ликвидировали, на всякий случай разобрали по частям. Начались всякие строгости, он же кум был, начальник лагеря, тюремный, начали придираться, бороду велели сбрить Копелеву, он бороду носил - не положено, побрить его. У меня есть фотография его, бритого. Потом начали уничтожать многие вещи. Мы уже жили в новом лагере [..неразб.,] много уничтожили дорогих приборов, у нас были чудные цейсовские микроскопы специальные, их кувалдой разбивали, уничтожали. Об этом подробно пишет в книжке Копелев, он интересовался этим, потому что он старался спасать некоторые документы. Еще строгие нравы были. Потом повеяло чем-то другим, явно расслабили, и пошло дело к передаче хозяйства к министерству радиопромышленности, уже не секретному. То, что уничтожали, надо списывать, я говорил: "А, на балансе у

КГБ." И получилось на несколько миллионов несписанного, а когда начали сдавать, те не принимают. Как уж они там разделялись там - не знаю. Я-то порядок знал: сдаем неисправное оборудование, так это несекретное, его можно было не уничтожать, но надо же хоть списать его было. В подвале было свалено, склад был такой негодного. Дело явно пошло к передаче, часть народа уже отправили многих, осталось нас не так много: Копелев был, Тарановский, тут уже шутили, когда автобусом увозили последних, я последний сел, сказал один из офицеров, который меня знал : "Вы первым приехали сюда, и первым уедете". Посадили в автобус и отвезли нас под Москву, я не помню, где-то в Болшево, была шараика туполовская, там была лаборатория небольшая, была там начальница - дама, видно, чья-то жена, очень симпатичная. Она в этом деле не особенно разбиралась, но не мешала мне жить.

Н.К. - Чем Вы там занимались?

Н.А. - Я же сохранял свою должность, старшего научного сотрудника, я там занимался ремонтом приборов, телевизоров, радиоприемников, был у меня подручный, который делал ремонт, он последнее время в Свердловске жил, ко мне приезжал с дочкой. Тут мы уже сидели на выданье, тогда уже отпускали, сроки пришли. В один прекрасный день мне предложили собираться с вещами и я погрузился, причем, странные вещи, что мне даже дали, кое-какой инструмент с собой, прибор дорогой измерительный, мне не помешали взять его.

Н.К. - Его в музей надо отдать.

Н.А. - Не в музей, я на нем работаю, годится.

Н.К. - В Мемориале музей собирается из таких вещей.

Н.А. - Так это же вещь фабричная, но я могу дать - пожалуйста, и часы надо в Мемориал, потом у меня куча всякой мелочи есть.

Жулик, который занимался одеждой, у меня хорошее пальто было зимнее, с каракулевым воротником, так он куда-то уехал, а мне заменил, шуба, конечно, тоже теплая, но хуже.

Н.К. - Так это тоже заключенный?

Н.А. - Нет, это был ихний капитенармус. Я был одетый, в костюме, в обуви, только шуба была хуже, чем пальто. Отвели на вокзал, я сел и приехал в Москву.

Н.К. - А Болшево - это что такое?

Н.А. - Это Подмосковье, пригород, в названии я могу ошибиться, лучше справиться у Копелева, он все записывал. В Москве у меня жила тетка и муж ее, у Смоленской они жили, возле высотного здания, переулок, где метро выходит на поверхность. Меня радостно встретила, я привез чемодан со своими вещами, одежда у меня была, мне выдали и белье. Оттуда я поехал домой в Дмитров, где меня встретила бабушка Катя моя, и радостным воплем меня встретила моя старая знакомая еще с Днепростроя - Зоя Кузнецова.

Н.К. - У нас пленки не хватит на вашу основную деятельность.

Н.А. - Я там побыл, я же за 110 км вообще говоря, а Дмитров не входит, он ближе, но меня не трогали, я поехал работу искать. Во-первых, я поехал в министерство, там меня сразу взяли, такой был Огурец или как-то похоже его фамилия была, зам.министра, там меня знали, должность мне была предназначена - быть начальником лаборатории Центральных экспериментальных мастерских института постоянного тока. В Москву привозили оборудование из Германии, они уже построили кое-какие части для постоянной выработки высо-

ковольтного прямого тока. Вот я должен был все это принимать и там монтировать. Но я должен был заехать там, где я работал раньше, то есть в Управление канала Москва-Волга. Я приехал, начальник меня вежливо принял: "Знаете, я с вами поговорю позже, но тут кто-то хочет с вами кое-какие вопросы выяснить". Я смотрю - стоит ЗИС, знаете, кто на них ездил тогда, посадил наперед меня, поехали и прямо на Лубянку, в задние ворота. Там меня высалили.

Н.К. - Как, опять на Лубянку? Или Вы снова рассказываете?

Н.А. - Да, снова. Я вернулся в Дмитров, знакомые нашлись, был управляющий трестом, был трест Мосстрой какой-то, бывший мой старший прораб Да...на? из Днепростроя, который меня хорошо знал. Он сказал : "Ладно, я позвоню Петру", - это его жены брат, а он был главным инженером монтажа Куйбышевской ГЭС. И в апреле месяце я уже был там, еще имел паспорт на 110 км, Куйбышев - там же был большой лагерь. Меня сразу определили диспетчером, но потом сразу начальником технического отдела при монтажном управлении. Я с этим делом знаком был, главный инженер у меня работал на Днепрострое с его братом, я первые две ночи переночевал у него дома, потом мне комнату дали. Все знали, что я из тюрьмы вышел, почему-то все очень хорошо ко мне относились, даже большое начальство, начальник Правого берега был со мной явно доброжелателен, и помогали мне. Потом меня в пример приводили, как мы организовали подготовку работ, отчеты я писал. Я купил фотоаппарат - "Киев", хороший, и производил съемки с одной точки с высокого здания, там был монтаж выключателей, оттуда снимал строительство подстанции 500 киловольт, то есть отчеты были очень интересные, я не просто писал технический отчет, а прикладывал фотографии, каждый месяц были новые, так что они видели наглядно, как монтаж идет. Кроме того, там был прораб, который монтировал открытые распределительства, его отправили, он уехал во Вьетнам, пока его не было, мне поручили совмещать, так я занимался и этим. Мороки у меня было очень много. Поступать стали трансформаторы, они большие, тяжелые, я этим занимался и подстанцией. Так что тут я был загружен сверх головы.

Н.К. - И долго Вы там пробыли?

Н.А. - Я там был до конца строительства станции.

Н.К. - Это какой год?

Н.А. - Это было, когда меня уже реабилитировали, в 59-м , я уже получил пенсию, мне платили какое-то пособие. Тут меня назначили главным инженером, потому что он ушел, монтажного управления. Потом меня с моим старым начальником хотели вместе отправить на строительство Братской ГЭС, на монтаж. Но он поменялся с другим, который работал в Нарве, а мой управляющий трестом хорошо знал людей и он считал, что я с ним работать не смогу, я не любитель был комбинации делать, тот был такой, приписывал, липовые отчеты делал, но был старый член партии и все такое. Так что меня назначили начальником управления Воткинской/ ГЭС, это на Каме. Трест электромонтаж. И я туда перекочевал, переехали, начали работы, чем-то загружаться надо было. В общем, старшим инженером я поставил старшего прораба, Алексеев, был у меня такой, он потом был начальником управления в Кемерово, тоже монтажного, потом от меня он ушел.

Н.К. - И в Воткинске Вы долго проработали? До пенсии?

Н.А. - До пенсии. Мы кончили Воткинскую ГЭС, сдали ее, начали работы на Нижнекамском участке, Нижнекамский завод начинали строить СК, туда перекочевал начальник строительства, был наш старший прораб, когда мы монтировали еще Куйбышевскую ГЭС. Потом

от нас отобрали эту работу, мы же уже вложили средства туда, в общем, нам поручили вести монтаж комбината шелковых тканей в Чайковском. В Чайковском было наше управление, Воткинская ГЭС - это в Чайковске, это не Набережные Челны. После Чайковского я перешел на пенсию, меня, между прочим, там обидели сильно. Я большую роль там играл в авариях, две аварии были хороших, представили к награждению орденом Ленина, я же большие аварии ликвидировал, и вдруг оттуда вернулось, мне по секрету сказали, было написано первым секретарем обкома: "Разве Вы не знаете, что он товарищ Солженицын? А Солженицын у меня в гостях был на Воткинской, вместе с женой, и местные писатели узнали об этом и хотели добиться у него интервью, так он послал их к чертам собачьим, я посадил его в машину с женой и отвез на пристань, и они уплыли в Пермь.

Н.К. - Это какой год, не помните? Наверно, 70-й?

Н.А. - Нет, раньше, у меня есть фотография с ним, он приезжал со своей первой женой, мы фотографировались на фоне Воткинской ГЭС, еще строящейся. В 62-м году я купил "Волгу", там, а я его уже встречал на "Волге", значит это было в 63 или 64 году. Мы с ним переписку вели, как нас освободили, в 55-м его тоже освободили, он был в ссылке, он писал мне оттуда и фотографии присыпал, и есть они у меня где-то. Когда его реабилитировали, он приехал к своей жене в Рязань, где она работала. Там мы с ним встречались. Я ездил из Куйбышева, когда ехал в Москву или в Петербург, то я сделал остановку и у них был. И с ним читали первые наметки на "Круг первый", там есть раздел - "Улыбка Будды" - это в большой мере моя идея, он пользовался моими выражениями, я мог здорово говорить разные штуки домашние, он мне говорил, что есть выражения, которые "я похитил из Ваших уст". Я говорил: "Ради бога", причем это было еще опасно делать, я помню, мы писали такие черновички у них в садике, он же жил в таком деревянном домике, садик там был, столик, скамеечка, кустики. Вот там он писал черновики и мне читал и вносил мои замечания. Писатели же часто пользуются выражениями других, он же со мной знакомый был, так что я в курсе дела был. У меня фотографии, они, и с женой, я там пару дней жил, там же мать ее была и тетка, меня хорошо привечали, у них хороший рояль был, не пианино, а рояль, она хорошо играла. Фотографии у меня есть, они помещены в книжке ее, Решетовской, "В погоне за временем" или как-то так, она издана у нас.

Большую роль сыграл Копелев, который имел знакомых среди писателей и литературных кругов, он приложил много усилий, чтоб познакомить с редактором "Нового мира" Твардовским, и он много содействовал, чтобы его приняли в Союз писателей, в Рязани. И с Копелевым я часто встречался. Потом, когда я перешел..., я на Казань ездил сюда, а когда я в Москве оказался, в 66-м году я уже тут был, прописан я был в 65-м, как дом построили, жена сюда приезжала, здесь пусто было. Когда я ушел на пенсию, то управляющий, который меня хорошо знал, сказал: "Ты еще можешь работать, мы тебя не будем увольнять, а переводим в управление здешнее", - тут в Воскресенске был начальник управления, с которым мы были хорошо знакомы.

Н.К. - Хорошо, Вас перевели в Ленинград, куда?

Н.А. - В управление наладочных работ, но тут перевели старшим прорабом, то есть я получал пенсию и прорабскую зарплату, не меньше 300 рублей, но часто я получал больше, потому что мы развернули такие мощные мастерские...

Н.К. - Так в каком месте Вы работали?

Н.А. - Тут, на Пыталова, трест находится на Щорса, он и сейчас там есть, к сожалению, раскручили наши экспериментальные мастерские, все участки взяли. Отделились, в общем, сделали боль-

шую глупость, это большой доход был тресту, мы очень много зарабатывали, а теперь продали кому-то эти мастерские, "где стол был яств, там гроб стоит, где брачные раздавались крики, загробные там веют лики", помните, это у Державина, по-моему.

Н.К. - Николай Андреевич, расскажите пожалуйста, о ваших контактах уже здесь с Солженицыным и с Копелевым.

Н.А. - Когда я оказался в Петербурге, тогда это Ленинград был, я работал в тресте Электромонтаж, в наладочном управлении старшим прорабом, поскольку я уже был пенсионером. Развернули деятельность, получали награды всякие за выдумки, под моим руководством сделано 82 разработки новых приборов, много помогло моя работа в Марфине, где я научился многим вопросам электроники, так что недаром я там был, я там еще два института прошел. Во-первых, я стал политикой заниматься, у меня там общество было очень широкое, а во-вторых я научился еще проволочной связи подробно. Так что я считаю, что полезно просидел 10 лет, полезно не для меня, а для той страны, где я работаю. Вот то, что вы кушаете, пьете, свет горит - такие как мы это сделали. Мы сделали это и мы не знали, для кого мы работаем, мы знали, что мы для Родины работаем, это я твердо знал. Так что я не хочу посмертно ругать Панина, но он был не прав, когда он говорил без меня, такие вещи надо говорить в моем участии, чтобы послушать, что я могу ответить. Вы найдете когда-нибудь в Литературной газете, не помню какой год, статья "О вреде Потаповых". Это вред. Как же он мог так говорить, когда он сам в шарашке работал, туда же привозили не для того, чтобы получать пайки, а для того, чтобы работать, он конструктором был.

Н.К. - А вот про Солженицына и про Копелева еще ничего не сказали.

Н.А. - Солженицын приезжал ко мне, вот на этом диване спал.

Н.К. - Часто приезжал?

Н.А. - Он был два раза, причем с женой он был, после этого она много раз приезжала к нам, потому что мы были знакомы по тюрьме еще, она знала мою жену на свиданиях. Когда свидания были, мы всегда вместе ездили. Тут был такой Эскин, сейчас он во Франции, он был профессором русского и литературы или истории литературы.

Н.К. - Эткинд? Эткинд наверно.

Н.А. - Он жил на Староневском, у них 3-х-комнатная квартира была, в маленькой комнате пустил Солженицына, он там что-то писал, он тогда еще в фаворе был. Я там был. У него машина, я помню, мы вместе ехали, там рядом с домом гараж был большой, и там машина Эткинда была. Мы ехали на его машине, проезжали по Кировскому проспекту, бывшему Красных Зорь, я помню, Эскин говорил, что вот здесь была гимназия, номер такой-то, и мы здесь вместе учились с его женой. Тут мы и поженились, как раз показывал мне.

Н.К. - Кто с кем? Ну ладно, неважно.

Н.А. - Он сейчас уехал и читает лекции в Сорбонне или где-то во Франции. Солженицын здесь бывал, ужаснул моего соседа, сосед был скромный капитан 1-го ранга, был отставной моряк, племянник нашего министра, поэтому он квартиру получил, и работал там же в управлении, где я был. Он сидел тихо дремал в одном углу, а меня посадили в другом, там одна комната была.

Н.К. - Мы опять отклонились куда-то...

Н.А. - Он ужаснулся чему? Он говорит: "Что это за поп у Вас с такой бородой был?" Я говорю: "Как? Это же Солженицын!" Он просто помертвел, он был, оказывается, партийный деятель, когда его однажды что-то спросили, он сказал, что "я вам сейчас не скажу, завтра буду в райкоме, там узнаю". Это все персонажи живые еще. Солженицын тут был, пописал, потом уехал в Москву, дальнейшие происшествия вам известны. Потом он переехал к Ростроповичу в Москву...

Н.К. - Да-да, это мы знаем, а теперь про Копелева. Он был у Вас здесь?

Н.А. - Нет, он ко мне не приходил и я знаю почему. За ним присматривали уже, даже после всего... Я даже не переписывался, я с ним встречался в Москве, когда ездил. Я у него дома был, он жил на Аэропортовской улице, у него хорошая квартира была, только 1-й этаж. И первая квартира, где мы встретились, знаете, в Москве есть дом, который передвинули? А сейчас я переписываюсь с ним.

Н.К. - И у Вас есть письма его?

Н.А. - Да, есть.

Н.К. - А с Солженицыным переписываетесь?

Н.А. - Да, тоже письма есть.

Н.К. - Давно писем нет?

Н.А. - Давно, как он затянул этот переезд?/, тут домашние дела... В прошлом году было письмо. Когда его сыновья приезжали, вот тогда. Он мне прислал письмо, не по почте и просил приютить его мальчиков, когда они будут тут, дескать, мороки с ними никакой, они будут спальный мешок. Я ему ответил, что я в состоянии принять их без спальных мешков и без сухарей, у меня найдется, только я не смогу сварить, но я надеюсь, что Вы их научили сварить себе суп, а у меня все есть, и газ есть, и кроватка, куда я ваших малюток положу. Но они не приехали. Позвонила мадам, которая получила мое письмо, вот это выключите. Извинилась, что они не смогут, так как они большой гурьбой едут, и мне помешать могут. Понимаете, они же могли позвонить и зайти сами, только они побыли тут несколько дней, отсюда улетели в Хельсинки, оттуда - домой. А кто я? Теперь я старый хрыч, слепой и глухой, одинокий, у меня жена умерла два года назад, больше даже, за мной ухаживают посторонние люди, беспокоится очень племянница, которая ко мне часто приезжала и хотела меня забрать к себе, но у нас, когда мы нашли с кем меняться, у нас не хватило средств перевезти вещи, нам надо было перевезти мебель, и вот мы решили отложить, это было в прошлом году. Поэтому я как старый скопидом стараюсь поменьше расходовать, чтоб собрать денег.

Н.К. - А Вы все-таки хотите переехать? А кто-нибудь из шаршики напоминает о себе?

Н.А. - Нет, уже нету. Свердловский даже приезжал ко мне, приезжал еще ко мне Волосняков, такой инженер, который сын был офицера, он в Китае был.

Н.К. - Это Вы рассказывали.

Н.А. - Он несколько раз приезжал, я у него был в Днепропетровске.

1407